

Начало третьего лунного месяца. В императорском саду вишневые и персиковые деревья оделись в пышный ярко-алый цвет. Лепестки осыпались на землю пестрым ковром, наполняя воздух хмельным ароматом весны.

Под сенью деревьев Император и Старшая принцесса долго хранили молчание. Наконец принцесса, опустив глаза, произнесла:

— Подданный не смеет.

Голос Императора звучал хрипло:

— Я не спрашиваю, смеешь ли ты. Я спрашиваю... чувствуешь ли ты это?

— ...

— ...Отец, Вы — владыка Поднебесной, на Ваших плечах лежит забота о судьбах миллионов. Если порой Ваших сил не хватало на всё, это не было Вашим желанием. Я понимаю, как Вам было трудно, и в моем сердце нет места для обиды.

Император долго молчал, прежде чем ответить:

— Не нужно меня утешать. То, что случилось тогда с твоей сестрой и матерью... В конечном счете, это моя вина, мой недосмотр. И то, в каком состоянии она сейчас... тоже следствие моих ошибок.

— Хэн-эр... Ты самый рассудительный из моих детей, но именно перед тобой я виноват больше всех. Если бы тогда ты не проявил находчивость... твоя мать сейчас... сейчас...

Голос Государя пресекался. Его лицо, и без того покрытое сетью морщин, казалось, в один миг постарело на десять лет.

— Прошло много лет. Отец, Вам не стоит так терзаться.

— Как я могу не терзаться? — Император внезапно зашелся в тяжелом кашле. Опершись о ствол дерева, он прошептал: — Из троих моих сыновей ты был самым способным, самым одаренным и послушным. Но из-за моей оплошности ты вынужден все эти годы терпеть несправедливость. Если бы не трагедия с твоей матерью и сестрой, разве пришлось бы тебе...

— Я не считаю, что терплю несправедливость. Пока матушка жива и в добром здравии, пока я могу служить вам обоим — я доволен своей судьбой. В моей душе нет и тени ропота.

Император вздохнул:

— Ты — воплощение сыновней почтительности, и я это знаю. Но ты ведь не женщина. Ты не можешь вечно быть тенью своей сестры. Настанет день...

Принцесса твердо перебила его:

— Я последовал за Вами именно ради этого разговора. Недуг матушки лекари пытались унять годами, и лишь недавно ей стало лучше. Но вчера и сегодня приступы повторились. Очевидно, виной тому её тревога о моем замужестве. Если так пойдет и дальше, я не найду покоя. Все эти годы Вы не раз помогали мне отклонять предложения, которые она подбирала. Но матушка не может отпустить эту мысль, она живет этим.

— Раз так, не лучше ли исполнить её желание?.. Я готов вступить в брак.

Император остолбенел. Придя в себя через мгновение, он вскрикнул, округлив глаза:

— Глупое дитя, что за вздор ты несешь?! Ты — мужчина, как и они. Как ты можешь выйти замуж?

— В прошлой династии принцессу Ицин выдали за Лю Мао, сына ученого Лю Чунчжи. Принцесса не любила мужа, и за долгие годы брака они ни разу не делили ложе. У них не было детей, но они прожили жизнь в глубоком взаимном уважении до самой старости. Нам с фума будет достаточно того же. Это не так уж сложно.

Губы Императора задрожали:

— Но как же так... Вы оба — мужчины. Если всё будет так... как же быть с наследниками?

Принцесса помолчала и ответила:

— Пусть он возьмет наложниц. Наложницы родят ему детей, и его род не пресечется.

— Я не о фума говорю! — почти выкрикнул Император. — Я о тебе!

— ...

— У отца есть мой старший и второй братья. Они оба продолжают императорский род, во мне одном нет нужды. Но у матушки... у неё теперь остался лишь один ребенок. Прошу Вас, отец, исполните мою просьбу.

Грудь Императора тяжело вздымалась. Он закрыл глаза и сокрушенно выдохнул:

— Грех... какой грех...

— ...Отец, прошу Вашего дозволения.

Император резко открыл глаза и пристально посмотрел на Старшую принцессу. Его взгляд внезапно стал пугающе глубоким:

— Скажи мне, неужели в тебе нет ни капли честолюбия? Твой старший брат рожден первой императрицей, но и ты — мой законный сын. Сейчас он занимает Восточный дворец как наследник, а ты рискуешь остаться даже без собственных детей... Неужели в твоём сердце нет ни тени горечи?

Принцесса опустила на колени и ответила с непоколебимой уверенностью:

— Вы сами назначили старшего брата наследником престола. За эти годы его добродетель стала очевидна для всех, и чиновники при дворе превозносят его мудрость. Я не чувствую и не смею чувствовать никакого иного желания, кроме желания служить.

— ...Ты правда так думаешь?

Тем временем Хэ Гу, Ван Мучуань и Лу Гуйнин покинули дворцовые ворота. Обменявшись любезностями с провожавшими их евнухами, они остались втроем.

Лу Гуйнин сложил руки в поклоне перед Хэ Гу:

— Ваше выступление на поле было столь блестящим, брат Хэ, что его невозможно забыть. Поздравляю с победой в воинском туре. Думаю, не пройдет и нескольких дней, как в поместье Чанъян прибудет указ о помолвке.

Хэ Гу так сиял от гордости, что даже не стал притворяться скромным. Он широко улыбнулся и ответил поклоном:

— Взаимно, взаимно! Непременно позову вас на свадебный пир.

Ван Мучуань:

— ...

У него дернулось веко. Он всерьез засомневался: не привиделось ли ему, что эти двое еще полчаса назад были соперниками?

Холодно взглянув на них, он спросил:

— Брат Лу, кажется, вы не очень-то и стремились занять место фума?

Лу Гуйнин расхохотался:

— Вы проницательны, второй господин Ван. Я получил приглашение от императрицы и пришел скорее из любопытства. Прежние помолвки принцессы постоянно расстраивались, и мне просто хотелось взглянуть, что же за красавица эта Старшая принцесса.

Хэ Гу мгновенно нахмурился и убрал руки за спину.

— Ее Высочество — небесная красавица, первая во всей Поднебесной! — отрезал он. — Те, кто разрывал помолвки раньше, просто слепцы. Какое отношение это имеет к её внешности?

Лу Гуйнин опешил: только что Хэ Гу сиял как весеннее солнце, а стоило упомянуть принцессу — и он почернел лицом, словно туча. Не понимая, чем так задел юного хоу, Лу лишь неловко потер нос:

— Конечно, конечно... Старшая принцесса — золотая ветвь и яшмовый лист, истинная красавица. Э-э... мои родители ждут меня. Нам не по пути, так что позвольте откланяться.

Ван Мучуань кивнул, а Хэ Гу лишь недовольно хмыкнул:

— Скатертью дорожка.

Когда экипаж Лу Гуйнина скрылся, Хэ Гу предложил Ван Мучуаню поехать вместе, так как их дома разделяла лишь одна стена. В просторном экипаже поместья Чанъян места хватило всем, включая слугу Чжэнъе.

Едва колеса застучали по мостовой, Чжэнъе не выдержал:

— Молодой господин, ну как всё прошло?

Хэ Гу довольно осклабился:

— Победа у нас в кармане.

Чжэнъе округлил глаза:

— Правда?!

Прежде чем Хэ Гу успел ответить, Ван Мучуань внезапно спросил:

— Почему ты вдруг так сильно захотел стать фума?

Хэ Гу растерялся. Ван Мучуань, нахмурившись еще сильнее, продолжал:

— С твоим происхождением и талантами перед тобой открыты все пути. Я думал, мачеха заставила тебя прийти на отбор, но на поле я увидел, что ты сражался всерьез. Что происходит?

Хэ Гу решил не лукавить с другом и ответил прямо:

— Всё просто: я увидел её и влюбился с первого взгляда.

Такая честность на миг лишила Ван Мучуаня дара речи.

— Ты... ты хоть понимаешь, что если станешь фума, то в будущем...

— Знаю, — перебил его Хэ Гу. — Никаких экзаменов, никакой военной или политической карьеры.

— И ты всё равно...

— Я не такой гений, как ты, братец. Пока я дождусь признания на экзаменах, пройдет вечность. А что до армии... В Поднебесной сейчас мир и покой. Зачем нужны полководцы? Даже если начнется война, в стране полно талантов. Одним юнцом больше, одним меньше — никакой разницы.

Хэ Гу принялся невозмутимо щелкать семечки. Ван Мучуань смотрел на него с нескрываемым беспокойством.

— И ты совсем не думаешь о своем будущем?

Хэ Гу удивился:

— Как это не думаю? Очень даже думаю. Если бы я не думал о себе, разве стал бы я бороться за женщину, которую люблю?

Ван Мучуань замолчал. Хэ Гу похлопал его по плечу:

— Не переживай за меня. Такие дома, как мой, могут веками проедать наследство и не обеднеть. А если я не добьюсь успеха — что ж, у Хэ есть мой младший брат.

К тому же, став фума, он точно не умрет с голоду — во дворце не дадут. Разве плохо жить за счет жены? Тем более, если эта жена — Старшая принцесса.

— Твой брат? Сын твоей мачехи? — скептически переспросил Ван Мучуань.

— Его мать — это его мать, а он — это он. Чэн-ди — добрая душа, он не в неё пошел.

— Чужая душа — потемки, откуда тебе знать...

Хэ Гу подумал, что знает куда больше: и то, что Ван Мучуань скоро блестяще сдаст экзамены, и то, что у старшего брата Вана родится красавица-дочка, которая через десять лет будет проситься замуж за него, Хэ Гу...

Вслух же он лишь проворчал:

— Братец Ван, что-то ты сегодня больно разговорчивый.

Он сказал это в шутку, но Ван Мучуань после недолгого молчания внезапно произнес:

— Неужели ты сам не заметил? Император ни за что не отдаст тебе Старшую принцессу.

<http://bllate.org/book/15879/1616370>